

18+

ВТОРНИК

Толстый зависимый* литературно-художественный журнал

* от дня недели и погоды

№ 12 август 2020

Игорь Михайлов

**Вторник. №12 август 2020.
Толстый, зависимый от дня
недели и погоды, литературно-
художественный журнал**

«Издательские решения»

Михайлов И.

Вторник. №12 август 2020. Толстый, зависимый от дня недели и погоды, литературно-художественный журнал / И. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514158-3

Тема: школа. Если погрузиться в этимологию слова «школа», то окажется, что это слово греческого происхождения. Греки под словом школа понимали досуг. А у нас все наоборот. Свободное времяпрепровождение подходит к концу, а 1-го сентября вся страна пойдет учиться, учиться и учиться. В №12 журнала не мало поучительных материалов. К примеру, в новой-старой рубрике «Испытательный стенд» молодой человек, в недавнем прошлом школьник, наглядно демонстрирует, как не надо писать. Словом, учимся все!

ISBN 978-5-00-514158-3

© Михайлов И.
© Издательские решения

Содержание

ОТДЕЛ ПРОЗЫ	6
Саша КРУГОСВЕТОВ	6
Вечный эскорт	6
Илья БОЯШОВ	16
АНГЕЛ ЗА ПЛЕЧОМ	16
Игорь ЧЕРНИЦКИЙ	20
Приближение Марса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вторник. №12 август 2020
Толстый, зависимый от дня
недели и погоды, литературно-
художественный журнал

Главный редактор Игорь Михайлов

Редактор Татьяна Соколова

Корректор Инна Тимохина

Главный художник Дмитрий Горяченков

ISBN 978-5-0051-4158-3 (т. 12)

ISBN 978-5-0051-4159-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТДЕЛ ПРОЗЫ

Саша КРУГОСВЕТОВ

Круговорот лиц, ощущений, жизненных обстоятельств выбрасывает на берег ундины? Кто она, что она: вечная женственность, любовь, судьба?

Вечный эскорт

Главы из романа

(Окончание. Начало в №9—11 за 2020 г.)

10

Это был май девяносто первого. С Ирочкой Котек мы не виделись больше месяца.

В Италии уже совсем тепло. Я остановился в отеле «Хилтон», в самом центре Милана, недалеко от знаменитых магазинов Галереи Витторио-Эммануэле II. Рядом – оперный театр «Ла Скала», Миланский собор, замок Сфорцеско. Очень удобно. Но, похоже, меня это совсем не интересует.

Только что закончился семинар писателей и сценаристов под руководством Виктора Ерофеева и Евгения Рейна; он проходил на вилле Сан-Карло Борromeо, в двенадцати километрах от Милана. Когда-то вилла принадлежала знатному роду Борromeо. В пятнадцатом веке здесь жил Леонардо да Винчи. Сейчас это пятизвездочный отель, превращённый хозяином в настоящую картинную галерею. Номера, коридоры, залы украшают картины – исключительно подлинники, представлено немало русских художников: Брусовани, Кабаков, Бренер, Булатов и другие. Меня пригласили на семинар как молодого перспективного автора. Получил какой-то диплом, очередную ничего-не-значащую-бумажку.

Все разъехались – кто по магазинам, кто – в аэропорт. Я остался в гостинице. Завтра, рано утром, самолётом домой. Долго сидел в лобби-баре с приятелем Виталием из Москвы. Пили пиво – я протравлялся по случаю получения диплома.

Фамилия смешная у этого Виталия – Добров-Шмелёв. Да и сам он смешной: большой, тучный, любитель вкусно поесть и хорошо выпить – настоящий добродушный Гаргантюа. Поэт и журналист, работает в популярной газете, выпускает литературное приложение.

– Есть-то надо, поэзией нынче ну никак не прокормиться, – объяснял он глубокомысленно.

– Да, литературой на жизнь не заработать, – согласился я с ним. – Хорошо, что у меня есть нормальная специальность и устойчивый доход.

– Понимаешь, Гера, я в людях давно разочаровался, – продолжал Виталий. – По мне животные гораздо лучше. Они такие, какие есть, и никогда не предадут. «Кто знал, что станет страшным зверем? Приобретёт зубов оскал... И я не знал, и я не верил... А ты скажи, ты сам-то знал?»

На семинаре Виталий читал свои басни: «О Еноте и Кашалоте», «Бегемот и крот». Читает он, кстати, отменно.

– Мне говорят: Виталий Викторович, это же детские стихи, пишите для взрослых. Почему детские? Про зверей – значит детские? Хармс тоже детские писал, по вашему мнению? «Мама Няма аманя» или «Пристала к пуделю рука» – гротеск, алогизм, абсурд – это что, детские? Вот и у меня недетские. Детских стихов вообще не бывает. Бывают хорошие или плохие. Ну ладно, Гера, мне на автобус пора, а то в аэропорт опоздаю. Давай обнимемся. Встретимся в Москве, ты ведь часто у нас бываешь. «Кто-то нас, как детей, развёл: нас учили, что жизнь – это бой; а она оказалась... гёрл!»

«В одном он прав, – подумал Герман, – жизнь, скорее всего, – дама, причём дама довольно требовательная и капризная. И, похоже, приструнить эту своенравную барышню пороку у него не хватает. С женой развёлся. Любит её до сих пор. Наверное, она его тоже, а вот ведь – врозь живут. Человеку любовь нужна, и чтобы любимая была рядом. Вот он и пьёт с утра до вечера, заглушить тоску хочет, пьёт от бессилья что-то изменить».

Проводил Виталия до выхода из гостиницы и, когда направлялся к лифту, заметил высокую элегантную даму, сидящую за столиком. Знакомое лицо – да это же Ева Яблонская! Помолодела, похорошела, платье от Готье из голубой сетки с муаровым рисунком подчёркивало контуры её загорелого тренированного тела. Ева смотрела на меня знакомым – умным, затаённо-ласковым – взглядом, слишком уж человеческим для женщины её профессии.

Не знаю почему, но я очень обрадовался.

– Ева, вот сюрприз, что ты здесь делаешь?

– Тебя дожидаюсь, милый, вижу, ты занят умными разговорами. Вот и жду, когда до меня очередь дойдёт. Давняя знакомая из Ленинграда хочет взять у тебя интервью!

– Мы теперь в Петербурге живём, Евочка. Как ты сюда попала?

– Дверцы клетки распахнулись, вот птичка и упорхнула куда глаза глядят. Сам-то как сюда попал? А-а-а, литература. Виктор Ерофеев, знаю, знаю такого. Альманах «Метрополь», «Жизнь с идиотом» – опера Шнитке... У меня всегда было подозрение, что ты немного пописываешь. Интеллигентные мальчики из хороших семей всегда стихи сочиняют. Ах, проза... Пиши, пиши – может, именно это как раз и есть самое твоё. Только не рассчитывай на деньги и славу. Сегодня ты инженер, а станешь литератором – так и будешь всю жизнь убогой голытьбой. Давай-ка я тебя угощу. Всегда ты угощал – думаешь, я не помню, всё забыла? – теперь моя очередь, не отказывайся.

Мы проговорили до полуночи. Ева рассказала, что занимается тем же, чем и раньше. Но «работает» мало. У неё есть «спонсор», пожилой итальянец, и она ни в чём не нуждается. «Спонсор» оплачивает квартиру и одежду. Считает её второй женой и появляется с ней на людях по средам и субботам.

Я рассмотрел её лицо – складки от носа к губам никуда не делись, но лицо округлилось и посвежело – хороший климат и спокойная жизнь делали своё дело.

– Зачем же тогда тебе эта «работа»?

– Не хочу полностью зависеть от одного человека. Подрабатываю – будем считать, что на шпильки и сигареты. Не волнуйся – на улице не стою. У меня есть постоянные клиенты. Солидные мужчины в возрасте.

Неожиданно она сменила будничным тон на страстную декламацию:

– «Клянусь... – о мать наслаждений, тебе неслыханно служу, на ложе страстных искушений простой наёмницей всхожу. Внемли же, мощная Киприда, и вы, подземные цари, о боги грозного Аида, клянусь – до утренней зари моих властителей желанья я сладострастно утомлю и всеми тайнами лобзания и дивной негой утолю...»

Смотрел на неё и не мог поверить собственным глазам – она смеялась надо мной, дразнила, никогда ещё я не видел Еву такой. Жрица любви. За края её чаши – через распахнутые глаза, разведённые руки, в силу магии её царственной осанки и ленивого грудного голоса, спускающегося как бы издалека, с небес, – выплёскивалась такая женская мощь, перед которой невозможно было устоять; она была воплощением разящей и неотразимой Клеопатры. Можно представить, насколько она была ослепительно прекрасна в свои лучшие годы.

«Вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу. Нет больше ни эстетики, ни этики – обе сводятся к эротике, и всякое дерзновение, рождённое Эросом, – свято». Кто только не подводил теоретическую базу для объяснения необходимости этой древней профессии. Если за работу платят, значит, она востребована.

– У меня было много любовников, тех, кого я действительно любила. Если бы не я, они не узнали бы, что такое страсть, что есть на свете счастье, никогда не испытали бы наслаждения. Раньше были жрицы любви. Их по несколько лет учили опытные гетеры, используя мужчин-рабов. К концу обучения женщины могли предложить посетителям на выбор десятки позиций. В Месопотамии практиковали ритуал «облизывания», в процессе которого несколько храмовых куртизанок языками доводили до экстаза юношу перед обрядом посвящения в воины. Во время этого ритуала мужчина ощущал связь со сверхъестественным, до такого состояния его могли довести только жрицы, владеющие в совершенстве искусством любви. Многие женщины хотели бы стать жрицами любви, вот только не каждой по силам раскрыться и превратиться в нежный редкостный цветок, в менаду, овладевшую искусством сладострастия. «В моей любви для вас блаженство? Блаженство можно вам купить... Внемлите ж мне: могу равенство меж нами я восстановить. Кто к торгу страстному приступит? Свою любовь я продаю; скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?»

Где они, те, кто меня любил? Никто не вспомнит обо мне, когда меня не станет. Только ты. Но ты опоздал на двадцать лет и ничем мне не обязан. Если бы ты знал, как я была хороша и как умела любить. Всё в прошлом, и ты никогда уже этого не узнаешь. Как плакал Сандро Церетели – ты хоть знаешь, что был такой великий грузинский поэт Акакий Ростомович Церетели? Сандро – его сын, советский выдвиженец, дальний родственник Ильи Чавчавадзе, между прочим. Как он плакал, когда уезжал на дипломатическую работу в Америку: «Я женат, и в моём положении я ну никак не могу бросить семью, а люблю я только тебя, буду помнить тебя всю свою несчастную, немолодую уже, вконец загубленную жизнь».

Я была в белой прозрачной рубашке, а Сандро стоял на коленях перед моей кроватью и рыдал, словно ребёнок. Сколько партийных боссов и храбрых военачальников стояло на коленях перед моей кроватью. Шёлк, атлас и бархат неувыдаемого, казалось бы, советского номенклатурного карнавала, сталинские высотки, представительские «Чайки», весь этот мир лакированного кино Герасимовых, Пырьевых, Орловых и Ладыниных... Карнавал сжимался, словно шагреневая кожа, он высох и истлел уже к моменту нашей с тобой первой встречи.

«Ева заслуживала лучшего, – подумал я и почему-то на мгновение представил себя дряхлым стариком с жёлтой вытянутой кожей и гнилыми зубами. – Её несчастье в том, что она попала в среду пожилых и невежественных развратников, достигших уже сияющих вершин номенклатурного величия; каждый хотел жить как в модном западном фильме. В этой среде у неё не было других перспектив. Несмотря на ум и опыт, она знала только единственный вариант счастья, которым она торговала, разбрасывалась, которое дарила направо и налево всю свою долгую и печальную жизнь. Всё остальное, что бы с ней ни происходило, о чём бы она ни думала, включая её размышления и суждения об истории, культуре, литературе, иногда, кстати, довольно глубокие, оказывалось лишь случайным и несущественным дополнением к тому главному, что она по-настоящему ценила в жизни».

– Ты вспоминаешь о своём блестящем прошлом в советские времена, – вздохнул я. – Но все эти люди с советским воспитанием и дурным вкусом, со своими неумными сентенциями и адюльтерными вздохами теперь, наверное, глубокие старики. Долгая жизнь, ежедневное гниение и разложение живого тела, воспоминания и вздохи о жрице любви в прозрачной рубашке, рядом с которой они однажды почувствовали себя мужчинами, – зачем ты мне рассказываешь этот мыльный сериал?

– Удивительный человек, как в тебе это сочетается – душевная чёрствость, даже грубость, и доброе, отзывчивое сердце? Пойми, Герман, то была совсем другая эпоха. Что сейчас кажется образчиком дурного вкуса – все эти «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух», а тем более «Девять дней одного года» – тогда воспринималось совсем иначе. Ты должен был сам догадаться об этом, милый.

Подошёл изящный, как Миланский собор, метрдотель, извинился – *mi scusi signore*, – сказал, что бар закрывается, надо выключить свет и оставаться здесь нельзя.

Разговор с Евой показался мне забавным, захотелось ещё немного поболтать, и я предложил подняться наверх:

– Номер большой, есть гостиная, в мини-баре – вина, сделаю тебе кофе. Просто поговорим, если не торопишься, и без всяких поползновений.

– Не смей меня, напугали бабу высокими каблуками. Дело не в этом. Здесь все меня знают – и мэтр, и швейцары, и официанты. Не хочется, чтобы потом говорили, что Ева снимает в «Хилтоне» клиентов. Поедем лучше ко мне, если не возражаешь, это недалеко, сейчас вызову такси.

Я согласился, и она направилась к выходу, изгибая стройную спину и покачивая ладным задком. «Красиво у неё получается – ундина! Настоящая ундина, я совсем забыл об этом».

Мне понравилась её небольшая квартирка – обставлена просто, но довольно уютно. Я обратил внимание на фотографию Евы в волне прибоя. Молодая, счастливая, тело едва прикрыто синеватой кисейей. Прижимает к обнажённой груди огромный букет чайных роз.

– Как тебе фотография? Мне тоже нравится.

Она смотрела на меня своим неопределённым, одновременно и нежным, и насмешливым взглядом. Наклонилась, вглядывалась не мигая, пристально и внимательно, прямо мне в глаза, будто пытаясь разглядеть, что там у меня внутри спрятано за радужной оболочкой, и я почему-то почувствовал себя неловко.

– Ты женат? У тебя есть любовница?

– Есть девушка, которую я люблю.

– А она тебя?

– Не знаю, скорее всего, нет.

– Мне кажется, я ухватила, наконец, самую суть, догадываюсь, в чём твоя проблема. Почему, например, ты стал заниматься литературой. Почему здесь! Тебе ведь не нужен ни Милан, ни этот семинар посредственностей под руководством других посредственностей. Почему тебя мотает туда-сюда? И в твою инженерную бытность я никогда не ощущала мира

в твоей душе. Борьба, суета, поиск. Где ты ещё бывал? В Париже, в Лондоне, в Неаполе? Ты несчастен в любви, мой милый. В тебе огромный запас нерастроченных чувств. Ты мог бы дать любви гораздо больше, но от тебя никто ничего такого не ждёт. Твоим возлюбленным это не надо, они этого даже не понимают. Поэтому ты даришь тепло и внимание мне, старой, списанной в тираж шлюхе. Ну, может быть, кому-то ещё.

Я рассказал об Ирочке Котек. «Мы совсем недавно расстались, но у меня ещё сохранились к ней нежные чувства». Рассказал Еве и о том, что испытал настоящий шок, когда впервые увидел, насколько Ирочка хороша. Ева задавала вопросы, слушала, размышляла, курила, потом вынесла свой вердикт.

– Если я верно поняла тебя, один только внешний вид этой девушки стоит целого состояния. Но её никто не учил правильно себя вести. А у самой – ни ума, ни воспитания, ни самоуважения. Так и останется девушкой на одну ночь, это её заклятие на всю жизнь. Не понимаю, о чём думала её подружка, вторая Ира. Она ведь старше и опытней. Нет, тебе не суждено было остаться с Котек. Во-первых, ей надо что-то иметь в голове. Не так трудно заполучить мужчину, гораздо труднее его удержать. Во-вторых, это же азы, нельзя в день знакомства идти в гостиницу, тем более – домой к мужику. Не надо говорить «нет», говори «да, да» или «как хочешь, милый», но поступи по-своему. Раздеваться самой? – вот она, та самая простота, которая хуже воровства. Я тебя уже не спрашиваю о всяких интимных подробностях, но подозреваю, что там тоже не всё в порядке. Так что напрасно ты думаешь, что в этой Котек было много любви, и она может, как ты говоришь, «одаривать много и многих». Ошибаешься! Эрос многоэтажен, мой милый: ощущения – в гениталиях, чувства – в сердце, а познание и верность – в голове. Любовь выше секса, но это всегда взаимное страдание и истязание. Почему-то именно в этом мы и находим истинное наслаждение. Твоя Котек не имеет ни малейшего представления о любви. Ладно, не думай об этом. Всё, что ни делается, к лучшему. Ты ведь Тиль Уленшпигель, менестрель с выступающим гульфиком. Едешь по дороге на своём ишаке и по пути имеешь самых красивых и до неприличия юных девушек, которые машут тебе трусиками из своих башенок. Пока что твоя жизнь устроена именно так, Герман Уленшпигелевич. А теперь раздень меня. Не торопись. Посмотри на моё тело. Всё как у людей? Нет, не совсем. У меня прекрасное тело, ты согласен? Это работа. Массаж, ультрафиолет, спортзал, маникюр, парикмахерская. Если женщина хочет быть востребована, она должна заниматься собой любимой. Попробуй, какая шелковистая кожа. И там тоже потрогай. Всё должно быть идеально. Видишь, почти нет волос, оставлен небольшой рисунок в виде лилии.

Ева подошла к окну. Узкая загорелая спина и белые ягодицы – совсем как девочка. Глухая стена напротив окна с разноцветными кирпичными заплатками и штукатуркой в разводах напоминала картины ташистов. Участок неба, ограниченный этой стеной и непрерывной линией домов, казался куском измятого картона, залитого ядовитой глубоко въевшейся тёмно-синей краской.

– Почему я так решила? – спросила она, глядя в неподвижную синеву итальянского неба, потом развернулась и вновь приблизилась ко мне. – Потому что ты всегда мне нравился. И я тебе – тоже. Но не судьба. Мы разминулись на двадцать лет, *tant pis*, как грустно шутят французы. Почему я вспомнила французский язык? – о любви, даже о несостоявшейся, лучше говорить на французском.

Она смотрела на меня так ласково. Не было больше никаких сомнений. Мне было хорошо с ней. Так и должно быть у того, кто всю жизнь искал свою ундину.

– Не вздумай платить, – *tu veux que je achete bas?* – я хоть и шлюха, но всё-таки не девочка с Монмартра. Ты ведь завтра уезжаешь?

– Какое там завтра?! Сегодня!

– «Скорей беги: светает, светает! Жаворонок-горлодёр своей нескладицей нам режет уши».

«Вот я и услышал наконец желанные слова! Она всю жизнь была Джульеттой, которая искала своего Ромео, но об этом никто так и не догадался».

– Наверное, мы уже не увидимся, – вздохнула она.

– Почему, Ева?

– А ты бы хотел? – *très gentil de ta part*. Нам не нужно больше встречаться – и всё. Сколько мне осталось? Совсем немного. А тебе надо идти вперёд. Вот и иди. Желаю удачи, Уленшпигель.

– Ciao!

Она не знала тогда, что пройдёт много лет и наши пути вновь пересекутся.

11

В греческом языке есть несколько слов, означающих любовь: эрос, филию, сторге, людус, агапе, прагма, мания. Это разные виды любви – восторженная влюблённость, любовь-дружба, любовь-нежность, любовь-игра с расставаниями и изменами, жертвенная любовь, любовь по расчёту, безрассудная любовь-одержимость. А какая любовь была у меня с моими Аганиппами? Зачем я во всём этом копаюсь? Никакой высокой любви не может быть у человека с Аганиппой. Русалки – только наполовину люди, они до сих пор частично принадлежат животному миру. Отчего тогда меня так тянет к ним? Вы хотели бы, например, полюбить дикую лесную кошку... или буйволицу, или двуногую рыбу?

Эрос, химия, запахи, феромоны, игра гормонов. И всё. За этим больше ничего нет. Надо быть откровенным и уметь называть вещи своими именами: если это только бунт гениталий, то для взбунтовавшихся гениталий есть проститутки и публичные дома.

Однажды мне попался на глаза примечательный документ тысяча восемьсот девяностого года, касающийся Александровского юнкерского училища города Перми. В документе перечислялись правила посещения юнкерами домов терпимости: судя по всему, он был призван защитить юных сладострастников от сифилиса. Кроме требований личной гигиены, документ напоминал юношам и о правилах приличия.

«Юнкера во время отпуска для совокупления должны соблюдать строгий порядок и тишину. Всякие недоразумения в доме терпимости с женщинами устраняются взводным унтер-офицером, который по возвращении докладывает дежурному офицеру. Плата за визит устанавливается 1 руб. 25 копеек, и притом допускается за эти деньги совокупиться только один раз и в течение не более получаса времени».

Историк рассказывает, как в таких заведениях дамы готовились к посещению гостей.

«В ход шли белила, румяна, сурьма. Всё это щедро накладывалось на лицо, зачастую превращая девицу в матрёшку – сказывалось деревенское представление о красоте: „что красно, то красиво“. Многие дамы имели татуировки на предплечьях. Чаще всего это были изображения сердца со стрелой, голубков, инициалов любовников или любовниц. Татуировки наносились и на интимные части тела, но их вид, по словам врачей, досматривавших обитательниц публичного дома, был бессовестно циничен».

Сохранилось предание, что в общежитии нынешнего Пермского педуниверситета до сих пор бродят призраки бывших обитательниц дома терпимости, располагавшегося когда-то как раз по этому адресу.

Во второй половине девятнадцатого века в Пермской губернии разразился громкий скандал. Во время одного из светских приёмов в Благородном собрании Евгения Толмачёва, дочь профессора, прочла стихотворение Пушкина из «Египетских ночей». То же, что мне в своё время читала и Ева. Молодая красавица без тени смущения скандировала строки: «Кто к торгу страстному приступит? Свою любовь я продаю; скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?»

На каком-то сайте я нашёл размышления некоего «знатока» из Самары «О девяти бабах, с которыми надо обязательно попробовать».

На первом месте – юная похотливая нимфоманка с ангельской внешностью, маленькая бесстыжая дрянь, которая постоянно источает желание, реинкарнация набоковской Лолиты... Нет, мне это было совсем неинтересно, недоразвитые нимфетки меня не увлекали. Учительница в школе – хоть молодая, хоть зрелая – также не интересовала в этом смысле. Азиатские девушки, говорят, окрашивают близость такими отчаянными криками, какие могут вызываться только адской болью. Вообще-то, азиатки мне нравятся, но не было у меня такой подружки – случай не представился.

Дальше идут: дочка владельца похоронного бюро, бывшая (жена, с которой уже развёлся), сотрудница ментовки или прокуратуры, возрастная красавица, по которой хорошенько проехалось одиночество, подруга твоей девушки и, наконец, пышка.

Что за детский сад! У меня не было подобных подруг. И никогда они меня не интересовали. Получается, что я ничего так и не увидел в жизни? Ерунда, подростковый низкопробный трэш!

Нет, всё, баста, сыт по горло бесовщиной. Я тогда уже был совсем-совсем взрослым, тридцатка стукнула. Эротика, секс – не такие, как у всех, ундины, особые женщины – не такие, видите ли, как все остальные, – ребячество какое-то.

Хорошо, что нашёл в себе силы остановиться. Глупости с Аганиппами и ундинами были вовремя оставлены. В тридцать я встретился с Лерой. Встретился и сразу понял, что это она. Нет, вовсе не ундина. Не могу сказать, кто она, но не ундина. Но и не йеху. Просто та, которую ждал. Она, наверное, тоже меня ждала. Не знаю, можно ли назвать это яркой вспышкой, страстью, внезапно налетевшей грозой, но с нами случилось всё, что должно происходить между любящими мужчиной и женщиной. И голова кружилась, и земля качалась, и сердце разрывалось от невыразимой нежности. Но это, как ни странно, оказалось не главным! Главным было то, что мы встретились как очень хорошие знакомые, будто давно уже были мужем и женой. Понимали друг друга с полуслова. Умная, красивая, преданная, любящая подруга – о чём ещё можно мечтать? А когда ты счастлив, это воспринимается как подарок, как прекрасный дар небес, как некая объёмная и неделимая данность. И не нужно уже размышлять об этажах и уровнях Эроса, о видах любви, можно без оглядки отдаваться радости, взмахнуть крыльями и бесстрашно направить полёт к далёким, неизведанным вершинам – вперёд и вверх. «Человек создан для счастья» – вы скажете, штамп? – но в этом и есть, наверное, высокий смысл жизни.

Нам было хорошо друг с другом с первой минуты встречи, с первого разговора, с первого прикосновения. Работали, путешествовали, любили. У меня появился готовый семилетний сын – Андрей, сын Леры. Это было аксиомой, и как-то само собой подразумевалось, что нас сразу стало трое. Что говорить – счастливое время! Счастливые пятнадцать лет! До тех пор, пока в моей жизни не появилась Ана.

Вернее, так – по-настоящему счастливый и безоблачный период нашей жизни оказался короче. Лет через восемь после нашей встречи Лера серьёзно заболела. У неё было что-то с обменом веществ – подгибались ноги, опускались веки, в глазах двоилось. Пришлось оставить мысль о том, чтобы завести ещё детей. Мы мотались по врачам, клиникам, консультациям, надеялись, что Лере удастся выкарабкаться. Медики лишь разводили руками.

Ей пришлось оставить работу. Это далось нелегко. Она была прекрасным научным работником, кандидатом наук, занималась микробиологией. Были успехи, перспективы, но всё пошло прахом.

Герману казалось, что у него над головой большая платформа. А на поясе – широкое кольцо, сделанное из ивы и плотно прилегающее к телу. Платформа опирается на кольцо изо-

гнутыми толстыми тягами, изготовленными тоже из переплетённой ивы. Он может видеть лишь то, что у него под ногами и по сторонам. Но смотреть вверх не получается.

На платформе располагались все заботы и обязанности Германа. По работе, например. Рабочие обязательства были совсем лёгкими и занимали совсем немного места. С ними он справлялся играючи, они вовсе не казались ему обременительными.

Основное место занимали родители. Их маленькая квартирка в хрущёвке целиком помещалась на платформе. Там всё было совмещено: санузел – с ванной, прихожая – с кухней, коридор – с общей комнатой, и даже крошечную кладовку при желании можно было бы использовать под жильё, поэтому она и называлась насмешливо – тётчиной комнатой.

Платформа готовилась постепенно. Вначале это был просто каркас, затем появились пояс и тяги. Каркас дополнялся, укреплялся, пропитывался разными составами, чтобы несущие конструкции не ослабли от дождей, жары и мороза. И вот платформа получилась на славу. Все хвалили Германа. Отец с матерью гордились платформой, а родственники ставили Германа в пример своим детям.

Родители были уже совсем старенькими; вся их жизнь, все их помыслы сосредоточивались на сыне, ну и, конечно, на собственном здоровье. Поэтому-то они вкуче со своими немудрёными заботами и оказались на платформе Германа. Нет, не подумайте дурного, они были скромными людьми и старались не обременять сына. Сами решали бытовые проблемы, покупали продукты, готовили, стирали, убрали свою небольшую квартирку, занимались собственными стариковскими хворями. Тщательно хранили и часто пересматривали фотографии – семейные, фронтовые, фотографии родственников и друзей, пожелтевшую переписку тридцати- и пятидесятилетней давности, вырезки газет, список книг небольшой семейной библиотеки, квитанции квартплаты, коммунальных услуг, телефона за последние десять лет, благодарности, дипломы, членские книжки Осоавиахима, партийные и профсоюзные билеты. Это всё уже не имело никакого значения, но аккуратно хранилось, листалось, перебиралось и перепроверялось.

Герман должен был донести это хозяйство вместе с родителями до места их будущего упокоения. Нет, имелись в виду, конечно, не могила, не кладбище, а какое-то особое место, где их примет дух святой, некто вроде Нараямы. Непонятно, как это всё уживалось в них: стремление к месту, где их примет дух святой, и нерушимый коммунистический атеизм. Родители никогда не произносили страшных и магических слов – «место, где нас примет дух святой», – но подразумевали, как казалось Герману, что-то именно в этом роде.

А потом, когда Герман отнесёт платформу в долину Нараямы, где родители встретятся с тем миром, что находится по ту сторону завесы, он сможет вернуться домой. Платформа останется стоять там, в долине, – аккуратно поставленная рядом с другими подобными ей платформами и помостами с такими же брошенными и оставленными душами, которые продолжили свой путь уже за покров завесы.

Там останутся тела его родителей. Останутся ненадолго. Ночью дракон отнесёт их в морг или в крематорий, и все, кто любил их при жизни, смогут прийти и попрощаться с ними. А платформа будет стоять среди неприветливых скал и постепенно сгниёт и рассыплется. Но это произойдёт не сразу. Она будет стоять до тех пор, пока Герман помнит о ней, помнит о том, как жили его родители и как он продлевал их жизнь с помощью этой простой деревянной конструкции, ведь у них не было уже сил идти дальше, их время остановилось бы раньше, если бы не помощь Германа. А когда он забудет о своих стариках и о своей миссии, платформа тут же рассыплется.

Бывает и так, что иная платформа набирает к концу пути огромную силу, сама превращаясь в огнедышащего дракона. И пугает тех, кто не хотел исполнять сыновний долг. Но правда ли это? Вряд ли кто-то сможет сказать об этом с полной уверенностью.

Если получалось, что устремления Германа и путь, который он хотел бы выбрать, не совпадали с интуитивным пониманием родителей своего собственного пути (их путь обязательно должен был совпадать с путём Германа), это воспринималось ими как подрыв основ мироздания, как неуважение к родителям, как предельная степень оскорбления, как полное забвение Германом его сыновних обязанностей, как непонимание их преклонного возраста и состояния здоровья и так далее и тому подобное. Всё это сопровождалось громкими поучениями и гневными ударами палкой в пол. Никто не обращал внимания на то, что у Германа должны быть личная жизнь, свои интересы, помыслы, мечты, стремление к высокому. Но как только Герман уступал, на платформе вновь устанавливались порядок, тишина, можно сказать – мирное небо над головой.

Иные не хотят нести бремя ответственности за родителей и сбрасывают их в пропасть вместе с красивой плетёной или грубой дощатой платформой. «Чего тут мудрствовать? – дух святой и так не оставит бессмертную душу человеческую, после того как та покинет брренное тело». А может, «эти иные» так и не думают, когда скидывают в пропасть опостылевших стариков? Просто скидывают, и всё.

Ничего подобного в мыслях Германа не было, но, когда появилась Лера, стали возникать конфликты. И Герман, как правило, выбирал сторону стариков, но не по слабости характера, а просто ему было жаль своих угасающих родителей, которые когда-то дали ему жизнь и теперь на глазах превращались в капризных детей. «Было время, и они несли меня на своих плечах, на пояс, не знаю уж, как была устроена их платформа».

Ну а потом произошло то, что произошло, – Лера заболела, не могла больше обходиться без посторонней помощи. Сыну Леры, Андрею, было тогда пятнадцать. Почти взрослый вроде, а с другой стороны – ещё школьник, за ним нужен глаз да глаз. Так получилось, что Андрюша постепенно стал перебираться к родителям своей матери. А Лера обосновалась на платформе Германа.

Герман из тех, кто в тяжёлый момент готов подставить плечо. Лера была прекрасной подружкой, он даже в мыслях не изменял ей, не досадовал на её частые недомогания, на то, что они не могли, как прежде, поехать в горы или к тёплому морю.

Жизненные пути и тропинки, как правило, не всегда обещают комфорт и уют: на них попадаются колдобины, острые камни, ямы. Герман устал, снимал платформу, потом вновь надевал её и шёл дальше.

На платформе разыгрывались малозаметные конфликты и тихое противостояние Леры с его родителями – но какие всё это были пустяки по сравнению с усилиями, необходимыми для того, чтобы каждый день поднимать платформу своих накопившихся обязанностей.

Путь непростой. Дождь, расплывающиеся глинистые склоны, осыпи, снегопады, пыль и иссушающая жара. Забудь, Герман, о своих стремлениях, забудь о полёте, творчестве, идеалах. Твой кругозор ограничен платформой. Сверху. Никогда ты не увидишь того, что выше её горизонта. Пока на тебе платформа.

Всеми в жизни приходит конец, и когда-нибудь наступает освобождение. Герман знал об этом – придёт время, и судьба освободит его от ноши. Но когда наступит тот день и час, сумеет ли он воспользоваться свободой? Не отравлен ли он навсегда, навечно, безвозвратно своим добровольным стоицизмом?

Один человек спал в степи, и ночью в его открытый рот заползла змея. Она поселилась у него в желудке и постоянно хотела есть. Человеку приходилось день и ночь работать, чтобы прокормить змею. И только одна мечта была в его жизни – освободиться от змеи. Но вот однажды, когда этот человек спал, змея покинула его. Человек проснулся и не знал, что ему делать со своей свободой, потому что умел только одно – день и ночь работать, чтобы прокормить свою змею.

Человек прямоходящий был создан для того, чтобы смотреть вперёд и по сторонам. У него в своё время был выбор. Мог поднимать голову и видеть небо, ловить взглядом полёт орла, бросать вызов далёким вершинам и оставаться в Эдеме. Или покинуть райский сад и, опустив голову, отдаться земным делам, стать homo faber'ом, человеком работающим. Мы с вами выбрали второе. Потому и сгибаемся в три погибели – моем полы, пашем землю, пишем буквы и цифры. Но полетим ли мы когда-нибудь?

Сумеет ли человек кардинально изменить свою жизнь, распрямиться и на деле стать человеком «по образу и подобию», обратиться к истокам, покаяться и вернуться к Отцу Небесному?

Илья БОЯШОВ

АНГЕЛ ЗА ПЛЕЧОМ ИЛИ ЖЕНСКАЯ НЕУЛОВИМОСТЬ (размышления о романе Саши Кругосветова «Вечный эскорт»)

Начну с банальности: а именно – сообщу, что женщина исключительно многолика. Женщина, вне всякого сомнения, есть тайна (простите, вновь вырвалась набившая оскомину банальщина, но, увы, без неё куда не деться!). Попытка проникнуть в суть женщины, добраться до её «сокровенного ядра», зафиксировать колебание её энергий, «игру её света» (игру, подобную северному сиянию), есть попытка задержать в кулаке воду, бессмысленная и бесполезная – на какой-то момент вы ощутите нечто, но равно H₂O просочится сквозь пальцы, ускользнёт, утечёт, испарится. Рискну так же заметить, что такая изменчивость, такая «игра волн» озадачивает любого мужчину, изначального носителя жизненной логики, злит его, сбивает с толку, заставляет судорожно напрягаться в поисках решения проблемы, у которой, скажем честно, решения никакого нет и быть не может. Но что поделать! Каждый из нас в отношениях с женщиной, всё-таки, положив руку на сердце, жаждет некоего равновесия, некоей устойчивости, некой фиксации момента – «остановись мгновение, ты прекрасно...», причём, весьма неплохо, если мгновение действительно остановилось бы на довольно солидный промежуток времени – да куда там! Как поётся в песне: «Она сегодня здесь, а завтра будет в Осло, да, я попал впросак, да я попал в беду...»

Парадокс: женщина всегда исчезает, несмотря на то, что всегда рядом, несмотря на то, что до нее можно дотронуться, несмотря на то, что ее можно осязать и слышать...

Но вот поймать!

Она выскальзывает из самых цепких, самых ловких мужских пальцев...

Испаряется...

И, тем не менее, мужчины постоянно пытаются набросить на нее сеть, несмотря на всю тщетность и бессмысленность подобной охоты. Они мечтают остановить этот поистине грациозный, поистине волшебный бег, стреножить женщину так, как стреноживают яростных и буйных лошадей, связать её, обездвижить, зафиксировать на операционном столе при помощи самых крепких пут, жгутов и зажимов и, наконец-то, по мужски не спеша, обстоятельно препарировать, разложить до атомов, рассмотреть в микроскоп каждую её клеточку, не поддающуюся никакой логике и никаким законам. Со времен оно мужчины вынуждены ловить эту вечно колеблющуюся волну, расставлять сачки для этого вечно струящегося эфира! Большинство потуг бесполезны, но стоит признать, наиболее талантливым патологоанатомам все-таки удаётся некоторая, пусть и весьма относительная, «фиксация»: примером являются «Монна Лиза» Да Винчи, «Анна Каренина» Толстого, «Попрыгунья» Чехова, незабвенные Настасья Филипповна и Грушенька незабвенного Фёдора Михайловича, «Неизвестная» Крамского, наконец, «Олимпия» Эдуарда Мане...

Кстати, о Мане! Передо мной – книга «Вечный эскорт». Писатель Саша Кругосветов взялся за титаническую работу, силясь, подобно многим творцам до него, поймать неуловимое, схватить несхвачиваемое, анатомировать то, что не поддаётся скальпелю и разглядеть то, что не поддается микроскопу – поверьте, одним этим он заслуживает уважения со стороны даже самого предвзятого критика. Я уже читал этого автора и говорил о нем; что касается его «Эскорта», забегаю вперед, замечу – на сегодняшний день, несмотря на стилистические, тактические и прочие огрехи книги (а они, можете мне поверить, есть) это лучшее, что мне приходилось у него читать.

Признаюсь – название романа насторожило. В нелёгкие для современной прозы времена велик соблазн свести сюжет к очередной гламурной пошлятине, расписав в подробностях и красках похождения «эскортных» девиц, вся жизнь которых сводится к доению «священных коров» – пускающих слюни от старости и вожделения богатых папиков. И каково же были моё облегчение и моя искренняя благодарность автору, когда я убедился в обратном!

Сюжет весьма сложен по структуре, но прост по сути: писатель Герман, современный интеллектual (мне кажется, в каком-то смысле alter ego самого автора), достаточно талантливый для того, чтобы стать успешным и достаточно осмотрительный, чтобы свою успешность не превратить в служение мамоне, трудится над произведением, описывающем жизнь одной из самых известных парижских кокоток и без того богатого на подобных особ XIX века, которая обессмертила себя в скандальной и великой «Олимпии». Муза Эдуарда Мане натурщица Викторина Меран стоит того, чтобы о ней говорить и герою «Эскорта» Герману и самому Кругосветову, ибо кто, как не Меран (правда, в «Эскорте» героиня «складывается» из двух существовавших в реальности женщин – исключительной в своей женственности француженки являются героини романа, также, без всякого сомнения, взятые автором из жизни: дама полусвета Ева, жена героя Лера и, наконец, квинтэссенция женской ускользаемости, туманности, непредсказуемости – Анастасия или Ана – истинная любовь Германа, в действиях и порывах которой постоянно проглядываются черты давно ушедшей в небытие ветреной французской натурщицы. Именно благодаря Викторин и Ане, несмотря на постоянно меняющийся антураж повествования (кафе-каштань импрессионистского Парижа, серые кварталы Петербурга, небоскрёбы Москвы, пляжи Майями) весь смысл терзаний главного героя сводится к безнадежной попытке разгадать то, что, по большому счету, не поддается разгадке. Вот почему действие романа так динамично переходит от настоящего к прошлому и наоборот, вот почему Герман так жадно всматривается в женщину, как таковую (неважно, с кем он в тот или иной

момент находится: с воображаемой Викторин, с пылкой обидчивой любовницей Аной, с верной женой Лерой, с расчетливой и холодной кокоткой Евой), вот почему в конце романа и Викторин и Ана сплетаются для него (и для нас, читателей, тоже!) в единое целое, являя собой сущность, с непостижимостью которой мужчине, в конце концов, остается разве что только смириться.

Конечно, беря за основу подобный сюжет, нельзя обойтись без сцен, от которых родители стыдливо прячут до поры до времени своих детей. Саша Кругосветов не мог не послать блюдо: да кто бы на его месте отказался от столь необходимой приправы, как интим? Удалась ли автору, без сомнения, очень важная часть повествования? Судить читателю! Выскажу только свое мнение. Иногда со страниц веет магией старого эротомана Генри Миллера (что, на мой взгляд, хорошо!). Иногда наиболее деликатные сцены, опять-таки, на мой взгляд, грубоваты – но автор, как и все мы, не безупречен! В каком-то смысле, я его понимаю, ибо в том, что касается описания «плотских страстей» нельзя обойтись без некоторого натурализма. Нет, нет, да и может сорваться из уст, казалось бы, самой нежной и воспитанной дамы крепкое словцо. Да и главный герой в пылу любви иногда достаточно определенно высказывается. Главное здесь: не переборщить. Вообще, интимные сцены – наиболее тяжелые места в «серьезной литературе» – именно по ним проверяется мастерство автора, его умение «ходить по грани», не сбиваться на откровенную порнографию, которая сразу же на много пунктов снижает ценность любого художественного произведения. Порой трудно не свалиться в «штопор», называемый вульгарностью – и она иногда все-таки предательски проскальзывает в тексте романа, но, надеюсь, вдумчивый читатель простит за это Кругосветова, ибо сокровенный смысл «Эскорта» совершенно в ином! В конце концов, «Вечный эскорт» – роман-размышление о женщине, гимн ей, изменчивой, расплывчатой, ускользающей из любых расставленных мужчинами капканов! И Кругосветов не жалеет эпитетов и красок, описывая эту непостоянность, эту грацию и эту бесконечную «игру»: та же самая Ана в «Эскорте» одновременно и германская ундина, и набоковская нимфетка, и кокотка Мане, и проститутка, и монахиня, и, в конце концов, гоголевская ведьма (вспомним знаменитое окончание «Вия»: «...у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре – все ведьмы»). Одна из несомненных удач романа – описание жены героя. Но и здесь «Эскорт» дает понять – нам не стоит обольщаться! Любящая, больная, печальная Лера – всего лишь одна из ипостасей женщины, ее светлая сторона, без которой, конечно же, образ её был бы не полон.

Как примерно говаривал Талейран: «Бойтесь первых эмоций! Они, как правило, не только самые искренние, но и самые верные...». Не могу с ним не согласиться: первые эмоции, которые я испытываю, закрывая последнюю страницу той или иной рукописи, действительно, самым кардинальным образом влияют на мое отношение к ней в дальнейшем. Если книга сразу понравилась, если сразу вызвала положительные ассоциации, то после повторного чтения окончательно убеждаюсь в том, что это именно моя книга! она не случайно захватила и не случайно завлекла! Напротив, художественный трактат, вызвавший мое неприятие сразу после того, как я его отложил (как не расхваливай его критики!) при последующем прочтении, несмотря на все мои сомнения, что я что-то в нем не дочитал и недопонял, в ста процентах случаев не останется в моей библиотеке. Что касается «Эскорта», признаюсь: после ознакомления с романом Кругосветова у меня осталось своеобразное (и надо сказать, горьковато-сладостное) послевкусие, сравнимое, пожалуй, вот с какой метафорой. Представьте себе знойный пляжный день. Сомлевший на солнце мачо, не думая о грядущем харрасменте, словно бы случайно прикасается к стройной ножке проходящей рядом с его лежаком (или полотенцем) прелестницы. Но женская ножка ускользает! Попытка окликнуть ундину и завязать с нею знакомство остается без ответа. Прелестница идет себе дальше к морю, оставляя быстро раство-

ряющийся в воздухе шлейф духов – и поддавшемуся на искус ничего не остается делать, как просто вздохнуть и смотреть ей вслед.

О чем говорит подобное послевкусие? Да все о том же: о первых эмоциях – самых искренних и самых верных. Сама идея у Кругосветова хороша: попытаться (чем черт не шутит!) азартно ухватить ускользающую женскую сущность.

Так оставляю ли я «Эскорт» у себя? Да, ибо подаренный романом горьковато-сладкий привкус – прямое доказательство того, что прозаику удалось заставить автора этих строк довольно продолжительное время поразмышлять о чрезвычайно важном предмете (доказательство – предисловие) – а не это ли самое лучшее, что с нами может поделаться книга?

На этом все. Не собираюсь спойлерить роман: пусть тот, кто возьмет его в руки, во всем разберётся сам. Я лишь высказываю то самое первое, самое искреннее свое ощущение, которое испытал при знакомстве с рукописью. *Dixi et animam levavi!* Позвольте только в конце вновь молвить несколько слов о ее названии! Конечно же, оно далеко не случайно, ибо парадокс в том, что постоянно исчезая, ускользывая, уклоняясь от нас, мужчин, женщина, тем не менее, постоянно дышит за нашим плечом. «Вечным эскортом» она сопровождает нас всю нашу жизнь. До неё в любой момент можно дотронуться, она осязаема, она исключительно реальна, и даже страшная догадка героя в конце романа, что Ана являлась для него ангелом смерти, просто в последнюю минуту пожалевшим его и не взявшим с собой, ничего здесь не меняет – ибо «ангел смерти» – всего лишь одна из ипостасей женщины, одна из граней ее удивительной многоликости.

Игорь ЧЕРНИЦКИЙ

Искусство в большом долгу... у совести, финансов, вечности (ненужное подчеркнуть)

Приближение Марса (Продолжение. Начало в №11)

Памяти Серёжи Комарова посвящаю

Просекин купил три ветки пахучих лилий с большими тяжёлыми кремовыми цветками, да ещё обогащённые крупными бутонами. Потом зашёл в кондитерскую «У Палыча» и попросил любимый торт своей супруги «Нежный». К удаче, он был свежайший, как уверила продавщица, «только-только с пылу с жару». Теперь, аккуратно примостив его на заднее сиденье своего роскошного внедорожника, а сверху уложив пышный букет, Юрий Кириллович покатиł на Третью Тверскую-Ямскую.

Они пили крепкий чай с «Нежным». Юрий Кириллович отметил, что, с тех пор как много лет тому назад в этой большой комнате он как художник фильма «За тридевять земель» вместе с его режиссёром-постановщиком слушали трогательные мелодии – наброски музыкальных тем, извлекаемых из белого рояля их другом-композитором, – с тех пор здесь особо ничего не изменилось. Разве что рояль теперь был гуще уставлен фотографиями в золочёных рамках, а над ними к стене привалилась большая икона Святой Троицы в роскошном резном киоте.

Вспоминали далёкое прошлое, как дружно работали над кинокартиной. Хоть и спорили до хрипоты, чуть ли не до драки. Но такова она и есть, творческая дружба. Только так вдохновенная искра и высекается.

– Ведь всё так хорошо шло, – сокрушалась Лилия Петровна.

– Да как сказать, хорошо, – вздохнул Юрий Кириллович. – Они ведь с самого начала его долбать стали.

– Кто «они»?

– Ну, генеральный продюсер Топоровский и его помощники-вышибалы Коробов и Неметин. Знаете, эти двое, последние-то, вообще в кино случайные персонажи, но присосались,

как клопы-кровососы. Как это у незабвенного Антона Палыча: «Если человек присасывается к делу, ему чуждому, например, к искусству, то он, за невозможностью стать художником, неминуемо становится чиновником». Так вот и эти два субчика. Только потому, что вроде родители у них в кино служили. Пристроили последышей. Представляете, они вдвоём приезжали с ревизией на своём «лексусе» на съёмочную площадку в конце съёмочного дня. Перед этим плотно отужинают с возлияниями в ресторане – и к нам на площадку. Останавливают съёмку, режиссёра усаживают к себе в машину на заднее сиденье и давай учить его, как снимать кино. Да чтобы быстро, да экономно и качественно. А на площадке сидели и ждали загримированные народные артистки: Светлана Крючкова, Нина Усатова, да ещё Ирина Мирошниченко. А у последней характерец будь здоров. Она бесилась и на режиссёра всё выплёскивала, когда тот возвращался к камере.

– Что ж он не мог кулаком по столу?

– Да как же тут кулаком-то? Эти два деловара были вроде как представители главного – Топоровского, вроде сопродюсеры. Главное, когда наш режиссёр договорился с командующим ВДВ России и тот согласился быть консультантом, все эти горе-начальники страшно обрадовались. Ведь бесплатно, по военной команде, сразу предоставлялась массовка – несколько рот солдатиков, бронемашин, автоматы Калашникова, обмундирование и так далее и тому подобное. А если учесть, что прокат только одного такого автомата из пиротехнического цеха Мосфильма, как мне режиссёр говорил, стоит двести долларов, то можете представить, какую экономию они получили.

– Так эти господа должны были ему быть страшно благодарны.

– Они и радовались поначалу. Это же заказ был канала «Россия». Государственные денежки. Они-то всё, что было запланировано по смете и вдруг благодаря военному консультанту бесплатно свалилось, учли и неожиданно высвободившиеся денежки по карманам разложили. Но когда у нашего бессребреника возникли затяжки со съёмками: ну, дольше, чем планировалось, снимал ту или иную сцену, долго репетировал, возился с актёрами, добиваясь результата, – они испугались, что придётся эти денежки – немалые, как вы догадываетесь, – возвращать в бюджет картины. Вот и стали его пилить. В итоге у него инфаркт. Ну а потом и картину закрыли. Как уж они там перед телеканалом оправдались, одному богу известно. Вероятно, форс-мажором всё объяснили, то есть болезнью главного лица. Как-то всё списали. Им ведь главное – свой карман. Такие сейчас прохиндеи называют себя продюсерами.

– А он, пожалуй, одарённый был, режиссёр-то, – по-купчески отхлебнув из блюда горячий чай, заметила Лилия Петровна. – Не по случаю в профессию влетел. А жив ли? Я уж и имя-то его подзабыла.

– Дубовской-то? – Юрий Кириллович ковырнул серебряной ложечкой свой кусочек торта. – Серёжа Дубовской. Да, похоже, жив. Он же нас-то помоложе. Мы ведь с тех пор с ним так и не общались. Как-то резко разошлись пути. Впрочем, знаю, что он после выздоровления в кино вернулся. Что-то снимал, и даже успешно, но я фильмов его не видел.

– А почто же так, не интересовался-то?

– Ох, Лилия Петровна, ну вы же знаете, как жизнь меня ударила, с сыном-то...

– Ой, милый, да как не знать! Царствие Небесное рабу Божьему Кириллу...

– Ну вот. А как я выкарабкивался после этого, лучше не вспоминать. Ведь вы не знаете, я было запил крепко...

– Ум-м-м, беда-а, – протянула Лилия Петровна. – Мой-то ведь тоже попивал. Дружки вокруг мухами осенними крутились. Один мне всё пел: мы стараемся поддержать Толю, всё-таки коллеги. А я-то не дуручка, знаю, что это за коллеги. Калеки, а не коллеги! В душе-то радуются, чуть что не так. Ох, уж лучше меня этот мир никто и не знает. У соседа умерла коза – казалось бы, какое мне дело, а всё-таки приятно. Что, не права?

Юрий Кириллович пожал плечами:

– Наверное, правы...

– Да не наверно, а точно, – резко низким голосом бросила Лилия Петровна, вдруг развернув плечи и выпрямившись на стуле. – Они и на похороны приходят, только чтоб выпить добряче. Уж я за жизнь свою этих дружочков повидала. И не спорь со мной! Я тебя старше больше чем на десяток годков, так ведь?

– Да что вы?! – рассмеялся Юрий Кириллович. – Я и не спорю. Я ведь помню, как с вами спорить.

– Ну то-то же, – взяла со стола блюдо Лилия Петровна и чуть-чуть налила в него чаю. – А чего сидишь такой унылый?

– Да я просто подумал, что, если бы с Серёжей Дубовским что-то случилось, я бы узнал. Мне же как члену Союза кинематографистов приходит газета «СК-Новости». А там в конце каждого номера некрологи печатают. С портретами. Целую страницу.

– Ва-а-жная газетёнка, нужная, – с серьёзным видом заметила Лилия Петровна, отхлёбывая чай и напомаженными губами осторожно снимая с ложки маленький кусочек рассыпчатого торта.

– Ну да, – согласился Юрий Кириллович. – Так вот его некролога не было. Я всегда их внимательно просматриваю. Почему-то.

– Ну, почему-почему, – строго объяснила Лилия Петровна. – Потому что сам уже не вьюноша.

– Вот, Лилия Петровна, кстати, о юноше.

И тут Юрий Кириллович выложил всю трагическую историю своего протеже с Донетчины.

– Понимаете, надо помочь парню, – завершил он свой рассказ. – Скорректировать, так сказать, ему судьбу.

– Да-а, жалко молодого человека, – согласилась Лилия Петровна. – К тому же одарённый, как ты говоришь. А я уж тебе верю, ты разбираешься, скольким вон в большую живопись путёвку дал. Но, Юра, милый, чем же я-то могу помочь? Ему к эстрадным продюсерам надо, чтоб они, как это у них называется, его раскручивали.

– Да обращался он, Лилия Петровна, обращался.

– И что же?

– Одному, видишь ли, возраст не подходит, другому надо, чтобы за тобой уже стояло определённое финансовое обеспечение, третий предпочитает работать с девушками, а тут одного как раз мальчишки устраивают, так он вообще нашего парня в штопор вогнал.

– Это как же? – Лилия Петровна отклонилась на спинку стула.

– Жить ему предложил!

– В каком смысле? Жильё, квартиру снимать?

– Ах, Лилия Петровна, добрейший вы человек! Жить он Кириллу предложил в сексуальном плане. Сожительствовать то есть. Тогда он будет им заниматься. Раскручивать, как вы говорите.

– О господи! – Лилия Петровна всплеснула руками. – Свят, свят, свят! С ума они все посходили!

– Вот то-то и оно, – вздохнул и мелко закивал Юрий Кириллович.

– Вот это всё Ельцин с Горбачёвым, паразиты чёртовы! – в сердцах выругалась Лилия Петровна. – Открыли шлюзы для этой грязи. И столько разбазарили, столько потеряли. А в духовном-то плане какая беда? Это ж какой мамай всё поразрушил? Это десятилетиями теперь не восстановить, поколения потеряны! Да и с кем восстанавливать-то? Вон их сколько, шариковых-то, в девяностые в малиновые пиджаки переоделись, а потом осели в Думе, да и по всей стране в начальники прогрызлись. Сейчас-то уж, конечно, много наведено глянца, да только он не спасает. Вокруг-то коррупция, нищета в регионах, и тут же безудержное обо-

гашение толстосумов. И эта!.. Уж сидела бы тихонько, так нет же, лезет везде. Смотрю, стоит в первых рядах на инаугурации президента.

– Вы, простите, о ком?

– Да Наина эта, жёнушка его. Всё всем рассказывает, какой он хороший, Боря её, Ельцин. А он, мерзавец, такую страну разрушил. Сделал то, что Гитлеру не удалось. Такого предателя ещё история наша не знала.

– Так что же теперь делать? – вставил Юрий Кириллович.

– А что ж теперь сделаешь? Сдали всё американцам, они теперь нами и правят. Была у нас новая общность людей – советский народ. Во всяком случае, так нам объявили. А теперь сословно-олигархическое общество у нас. Причём одно сословие работает на Демократическую партию Соединённых Штатов, другое – на Республиканскую. Вон Ельцин-центры теперь открывают. В Екатеринбурге открыли, в Москве собираются. А знаешь для чего? А чтобы показать народу, что он, народ наш, – быдло, а они, толстомордые, правят нашей жизнью, нашими просторами от моря до моря. Они – кучка богатеев. Превратили великую страну в сырьевой придаток Запада и Америки.

– Ну что вы, – попытался возразить Юрий Кириллович. – У нас такое оружие...

– Да что там оружие, – горячилась Лилия Петровна. – Они нас давно без всякого оружия оккупировали и поработили.

– Но всё же...

– Что всё же? Всё же скажу тебе так! Из народа нашего не выбить то, что впитано десятилетиями. Ничего у них не выйдет. Не потеряет народ наш в любых испытаниях ни доброты своей, ни таланта своего, коему равных в мире нет, ни милосердия. Мне вот посчастливилось в жизни: меня всегда окружали и окружают хорошие люди. И кстати, молодёжь...

– Кстати, о милосердии, – вставил Юрий Кириллович, чувствуя, что сейчас разовьётся новый бесконечный монолог с душещемящими воспоминаниями. – Всё же, как ему помочь?

– Кому?! – вытаращила на него глаза Лилия Петровна. – Государству нашему? Чем же я-то, старуха, могу ему помочь?

– Лилия Петровна, я говорю о Кирилле.

– О каком Кирилле?

– О юноше с Донбасса.

– Вот ещё сегодняшняя трагедия – Донбасс. Тоже ведь наследие Ельцина. А ещё ввали, сволочи, что они эту революцию без гражданской войны сделали. Ага, как же! Да война вон то тут полыхнёт, то там вспыхнет. И так практически по всей территории бывшего Союза нашего. Она всё идёт и никак не закончится. Они, бандиты, во главе с Мишкой по уму горбатым да Борькой-алкашом всё это затеяли, чтоб страну разворовать, вот бандитские разборки всё никак и не закончатся. И что обидно, гибнут-то самые чистые и честные, а подонки всё обогащаются. И всё им мало! И крови мало, и краденым никак не насытятся! Ну ладно, будет! Что-то я распалилась. Так, – Лилия Петровна пригладила собранные на затылке в шишечку свои, по старинке крашенные хной, волосы, вынула из шишечки большую пластмассовую заколку и снова решительно воткнула её, как показалось Юрию Кирилловичу, прямо в голову. – У тебя какие предложения?

– Я думаю, ему надо учиться.

– Дык надо поступать! Вон в Гнесинское училище или в Ипполитова-Иванова институт. Там есть факультет вокально-хоровой и дирижёрской подготовки.

– Он вроде о Гнесинке мечтает. Тут ещё проблема с гражданством.

– Вот, опять Ельцин-пьяница! – вскричала Лилия Петровна. – Куда ни сунься, одни проблемы нам эта тварь оставила. Ну ничего, решим. Я поняла, нужно его готовить. Говоришь, хорош парень-то?

– Ручаюсь, – припал грудью к краю стола Юрий Кириллович.

– Ну коли так... У меня ж внучка, Катерина. Как в той детской песенке про кузнечика, знаешь: «И встретил он подруженьку, а девка просто клад». Она как раз в Ипполитова-Иванова на втором курсе.

– Лилия Петровна, знаете, в этом вопросе осторожно надо. Он парень с характером.

– Дык и она у меня не кисель. Уж ты не волнуйся, я куда как опытная сваха. Дай ему все мои телефоны, начнём заниматься, готовиться...

– Я всё оплачу.

– Фу-ты ну-ты, как же тебе не стыдно?! Давай это мы в память о Толе, о твоей с ним дружбе, идёт?

– Спасибо, Лилия Петровна! Признателен вам от всей души! Кстати, я не сказал, он ведь в музыкалке по классу скрипки занимался.

– Ну и чудненько! Чай остыл. Щас на кухню слетаю, подогрею быстренько. А торт жуть какой сладкий. Мне ж нельзя, диабет. А вишь сижу с тобой тут, жру, негодница.

Глава III

Так Кирилл стал готовиться к поступлению в училище. Теперь он спешил на занятия к Лилии Петровне и всё меньше давал дополнительного времени ученикам Юрия Кирилловича. А тот только радовался за парня. А своим подопечным не уставал повторять:

– Цените, братцы. Дай бог, поступите в институт, а там вам такой натуры не предоставят. Сейчас молодёжь большие деньги хочет зарабатывать, а натурщикам у нас мало платят. Так что будете довольствоваться пенсионерами с обвисшими бицепсами-трицепсами.

Он и в этот раз не преминул поддержать Кирилла, отпуская в его адрес ободряющие похвалы.

Глотнув табачного дыма от толстяка-соседа с нижнего балкона и прикрыв аккуратно новую балконную дверь, он обошёл своих учеников, склонившихся над заданием: рисунок мужской обнажённой фигуры анфас.

– Смотри, как у него мощно, как красиво торс посажен, – остановился Юрий Кириллович над сторбившимся у мольберта щупленьким пареньком. – А у тебя? Братцы, ведь что такое рисунок? Это передача формы, объёма с помощью очень простых приспособлений: бумаги и карандаша. Но что очень важно: нужно не просто срисовывать объект, а как бы ощупывать его, лепить его.

Кирилл на подиуме представил на минуту, что его, оторвавшись от своих рисунков, вдруг бросились ощупывать все эти двадцать начинающих живописцев, почувствовал напряжение, смутился и крепче сжал длинную палку, на которую опирался правой рукой, будто собрался ею отбиваться. Тут же сообразил, что нужно наоборот расслабиться, дабы, хоть и в плавках, не оконфузиться окончательно. А Юрий Кириллович, медленно передвигаясь по комнате, продолжал свои наставления, будто лирический баритон пел любимую арию:

– Надо так себя настраивать, так себя приучить мысленно ощупывать объект и лепить, в кавычках говорю, лепить его на бумаге.

– Это кто у нас, Володя, там живёт? – склонился Юрий Кириллович над мольбертом коренного паренька, старательно, с отчаянным нажимом штрихующего изображение на своём ватмане.

– Где? – удивлённо отстранился от своего рисунка Володя.

– Да вот, в животе.

– Это пуп, ну типа пупок.

– Вот именно, «типа», – усмехнулся Юрий Кириллович. – Это нефтяная скважина, а не пупок. Давай-ка исправляй, и не жми так, не лопатой работаешь, ощущай карандаш будто

смычок скрипки и веда свою мелодию. С радостью творите, друзья, а не с натугой. Вы счастливые люди: вы решили посвятить себя творчеству, а творчество – единственное оружие, с коим можно вступить в поединок с бегом времени, с забвением, со смертью, в конце концов.

Чуть запрокинув голову, Юрий Кириллович лавировал между мольбертами и, словно глухарь, казалось, сам приходил в восторг от собственного вдохновенного панегирика. И тут же вдруг, остановившись возле очередного ученика, заметил ему сухим требовательным тоном:

– Славик, третью грудь убираем.

– Где? – задрал голову, растерянно взглянул на учителя Славик.

– Вот здесь, «где», – Юрий Кириллович изъясил из его руки карандаш и ткнул им в рисунок. – Что это такое? Куда мы так напрягаем форму? И потом, обрати внимание, косые мышцы живота – это не соски свиноматки. Зачем ты их так тоном выделил? Исправляй!

Он вернул Славика карандаш и, шагнув чуть в сторону, остановился возле девчушки, а та, почувствовав за спиной учителя, прекратила тереть свой рисунок ластиком и чуть ли не со слезами прошептала:

– У меня такое ужасное чувство, что ничего вообще у меня не получится.

– А ты, Танюша, меньше старайся, – отозвался учитель. – А то ты так стараешься, что у тебя нос потеет. Не старайся, расслабься, и всё получится. Есть ещё такой нехитрый способ – зеркало к рисунку приложить. Когда глаз устаёт, то перевёрнутое изображение в зеркале позволяет замечать ошибки, – Юрий Кириллович склонился над рисунком, взял с мольберта свободный карандаш и стал водить им по прикреплённому к доске листку. – Вот, обрати внимание на этот момент. У тебя тут целый кусок провален. Если Стёпа надувает форму, – он кивнул в сторону её соседа, – то у тебя здесь, наоборот, провал. Вытягивай этот кусок тоном. Вот отсюда досюда. Это всё надо вытягивать.

Дав эти дельные советы отчаявшейся ученице, Юрий Кириллович шагнул к Стёпе:

– Там действительно очень красивый рельеф грудной мышцы, – начал он разбор рисунка, – но нельзя забывать про общую пластику. Она по тону у тебя сейчас вываливается, – мастер прикрыл один глаз и, вытянув вперёд руку, ладонью закрыл перед собой часть рисунка, при этом отошёл назад и чуть склонил набок голову. – Встань вот со мной рядом и прищурь один глаз. Теперь видишь? Ну вот, – и тут, возвысив голос, он обратился ко всем: – Что вы, друзья мои, в свои работы, как слепые котят, уткнулись? Не ленитесь время от времени вставать, отходить и сравнивать рисунок с натурой. Настя, ну-ка, встань и отойди от мольберта! Видишь, что на твоём рисунке у него хвост? Причём объёмный. Да ещё раздваивается на конце.

– Это тень, – тихо простонала пухленькая круглолицая Настя.

– Что?! Тень?! Это не тень – это хвост динозавра! – притворно возмутился Юрий Кириллович. – Прищурься, присмотришься... И принимайся за работу.

Направляясь к своему рабочему столу, он остановился ещё у одного мольберта. Мальчишка-очкарик осторожно водил тонко отточенным «кохинуром» по своему рисунку.

– Он у тебя будто в полиэтиленовую плёнку завернут. Всё как в тумане. Всё приблизительно. Всё как с испуга. Почему? Посмотри, какая у него прекрасная фигура. Вам всем повезло. Обычно натурщика поставишь, ну стоит чувак как чувак. Просто мужик. А он – посмотрите. Это же античный герой! Олимпийский бог, герой Эллады! Или римский воин с копьём. Так? Посмотрите, какая пластика. Какой образ, даже без всяких атрибутов. Сколько достоинства, силы, целеустремлённого движения!..

Кирилл почувствовал, как краска приливает к лицу, и он решил съюморить: скривил рожу, скосил глаза. Ученики захихикали. Юрий Кириллович обратился к нему очень серьёзно:

– Это не комплименты. Это профессиональный разбор.

– Я понимаю, – улыбнулся Кирилл. – Возьму в аптеке беруши. Буду в следующий раз раздеваться, а уши затыкать.

– Зачем?

– Чтоб не зазнаться.

– Ну да, – рассмеялся уже Юрий Кириллович и вновь обратился к своим подопечным. – Так вот, не теряйте этот образ. Рисуите сильными штрихами. Сильно, определённо должен двигаться карандаш. Тогда и появится пластичность, динамика, – и, завершая эту свою коротенькую, но воодушевляющую лекцию, он повернулся и направился к своему письменному столу. – Ищите этот образ, старайтесь уловить его, а не просто срисовывайте. Вот так. Работайте, друзья, работайте. Талант – это Божья длань на макушке плюс умение трудиться. А караулит всё его величество случай. И выбирает тех, кто не сдаётся.

Юрий Кириллович уселся за свой компьютер. Подвигал мышкой. Зажёгся экран. Открыл новости дня. Сразу пропустил информацию о кошачьих играх медийных персонажей. И даже то, как похудела и сравнялась с Галкиным Алла Борисовна, его не заинтересовало. А вот что, в силу его неувядаемого романтизма, привлекло, что он открыл и прочитал: «Великое противостояние – рекордное приближение Марса к Земле, которое в последний раз жители планеты наблюдали в августе 2003 года, произойдёт в этом году 27 июля. Для астрономов противостояние Марса – это интересное событие, которое может принести новые открытия. А вот астрологи видят в данном явлении потенциальные проблемы для людей. Так, по их мнению, в период приближения Красной планеты на Земле усилятся агрессивные и воинственные настроения, все конфликты могут усилиться в несколько раз, причём как на бытовом, так и на глобальном уровне. Астрологи рекомендуют в этот период сдерживать свои эмоции, не вступать в ссоры и стараться избегать конфликтных ситуаций».

И чтобы избежать конфликтной ситуации с собственной супругой, Юрий Кириллович поспешил открыть почту. Лена с доченькой Дашей, четырнадцатилетней школьницей, поздним и оттого до одури любимым ребёнком, на этот раз отдыхала на Крите в пятизвёздочном отеле Aldemar Knossos Royal. Обещал им каждый день заглядывать в почту: мало ли какие у них там возникнут проблемы.

Открыл. От Ленки большое письмо – а как иначе:

«Юрасик милый, привет! Вечер. Сидим на открытой веранде ресторана. Наслаждаемся живой музыкой и чудесным баритоном. Неплохо парень поёт и аккомпанирует себе на электроклавишах: „Бессаме, бессаме мучо...“ Ой, сейчас запел мою любимую: „Филингс...“ Подожди! Сделаем паузу. Споёт – продолжу писать... Спел! Ах, какая прелесть! Готова была броситься его целовать. Скажи спасибо: Дашутка рядом, а то был бы у тебя повод там, в Москве, поволноваться. Дочь твоя – непослушная, в тебя. Вот уплетает уже вторую вазочку мороженого. То забыла, понимаешь, жёлтенький шарик положить, то – розовенький. А то, видишь ли, фисташковое оказалось самое вкусное. Вынуждена повторить. Ну как тебе это нравится? Не дай бог, заболит. Умница я, что дотошно расспрашивала тебя про путёвки. Ты злился, зато я теперь спокойна по поводу страховки. Надеюсь, ты не скучаешь, милый, и радуешься, что доставил своим любимым девочкам столько радости. Я смакую чудесное сухое вино. Официант предложил большой выбор. Я сначала хотела взять белое – уж очень он нахваливал, – но потом всё-таки остановилась на красном: оно полезнее. Принёс бокал „Бобаля“, во всяком случае так он его назвал. Цвет спелой вишни, с низким уровнем алкоголя. Вино из Валенсии. Чудо! Губы сами тянутся к бокалу. Где-то шумит море... Музыка... Поёт симпатичный, молодой, атлетического сложения и со вчерашнего вечера небритый грек. Истинный мачо. Господи, как она быстро уплетает полную вазочку. А я – опять глоток „Бобаля“... Ах... Ну хватит лирики. Несколько слов о контингенте. Здесь много наших. А ещё, говорят, плохо живём. Всё недовольны да недовольны. Нет-нет, любой здравомыслящий человек скажет спасибо Горбачёву, а затем Борису Николаевичу. Вот доказательство наших завоеваний. В одном из самых дорогих отелей Европы то тут, то там слышишь русскую речь. Слава богу, без мата. Не привлекает пока с кем-либо завязать плотное общение...»

Тут Юрий Кириллович приостановил чтение: надоела вся эта белиберда. Тем более, ему уже стало понятно, что раз закончилась лирика, то теперь начнётся практика, то есть речь пойдёт о дополнительных инвестициях в «отдых любимых девочек».

Стал шарить по мейлу. Наткнулся на послание какой-то Насти Кузнецовой. Даже не стал его открывать: не знает он никакой Насти Кузнецовой, и вообще, мало ли какой спам может залететь. Однако больше ничего, на чём следовало остановить внимание, не было. Пришлось возвращаться к жениному «поток сознания», в заключение которого следовало ожидать «деловое предложение».

Итак: «...без мата. Не привлекает пока с кем-либо завязать плотное общение. Наши, конечно, выделяются. Одна, пышка, приходит на завтрак в вечернем макияже с наклеенными ресницами и в таких трусиках, что её булочки при ходьбе так и вываливаются. О груди я уж и не говорю: вся наружу. Западные мужики млеют и давятся. Другая, тоже, конечно, наша, таких необъятных размеров – слон на пленэре. А, смотрю, набирает столько круассанов, что диву даёшься. Ну хоть взглянула бы на себя в зеркало. Не видела её ещё на пляже. Но думаю, когда входит в воду, волна поднимается нешуточная. Не случайно, как правило, после обеда море штормит. Подруга с ней, или родственница какая, не знаю уж, – худющая жердь. Идёт по ресторану вся в летящих розовых шелках. Это пеньюар. Ну точно пеньюар. Но она об этом не знает. Боже мой, какое отсутствие элементарной культуры. Даром что богатые. Но Европа тоже хороша. Почти все женщины курят. Одна держит в напояженных губах сигарету, а вилку – в правой руке. Представляешь? Вилку – в правой, а нож – в левой. Две молодые кумушки – стол рядом с нашим – так мне надоели. Немки. Одна только жрёт, другая без умолку тряндит ей о чём-то. Хоть бы заткнулась да поела. Так нет, только бокал пива и сигарета. Вообще, немцы меня удивляют. Они тут будто с цепи сорвались. Прошлую ночь чуть ли не до утра шумели на веранде своих апартаментов. Песни горланили, ржали, как лошади, каркали по-своему. Я думаю, не только мы с Дашей – все вокруг не могли уснуть. И так, пока один смелый мужчина – из наших, конечно, – пока не вышел да как не заорал в их сторону: „Ахтунг, ахтунг! В воздухе Покрышкин!“ Тут же притихли!»

«Жива генетическая память», – подумал Юрий Кириллович и продолжил изучать послание своей неповторимой:

«Вообще европейцы без комплексов. Вчера решили с Дашулей прогуляться по высокому берегу за территорию отеля. Идём-идём и вдруг – господи, что это?! Внизу в уютной бухточке загорают и плещутся абсолютно голые люди. Мужчины, женщины и даже дети. Я попыталась дочку сразу в сторону оттащить, а она мне:

– Ну, мама, что ты, в самом деле! Ещё искусствовед! Обыкновенный нудистский пляж. В этой бухте море поспокойнее, и вообще приятно. Из нашего отеля тоже многие сюда ходят.

Я ей:

– А ты откуда знаешь?!

– Ну знаю, – говорит.

Я испугалась, конечно:

– Может быть, и ты сюда ходишь?

А она:

– Ой, ма, отстань.

И пошла. А я ей в спину посмотрела – ты знаешь, у неё уже такие формы вырисовываются! Глаз да глаз. Знаю, ты скажешь, рано беспокоится. А я считаю, что это совсем не мелочи. Во всяком случае, стараюсь её от себя не отпускать.

Юрасик, ну вот вроде всё тебе рассказала. Да, забыла! Хочу посоветоваться с тобой об одной ерунде».

Юрий Кириллович понял, что сейчас будет сказано о той самой «мелочи», ради которой писалось такое пространное письмо:

«Тут кругом висят такие вот объявления:

– Скупаю по тебе! Твоя шуба. Greek Furs.

– Хочу к тебе! Твоя шуба в Greek Furs.

– Греческие шубы. Фабрика «Кастория». Сеть магазинов на острове Крит! Скидки до 50 процентов. меховые изделия всех видов!!! Соболь, blackglama, blacknafa, каракульча, норка, лиса, кожа, дублёнки. На все изделия гарантия десять лет. Трансфер бесплатный. Звоните прямо сейчас.

И несколько телефонов указано. Представляешь?

Тут одна наша купила, хвасталась мне. Зазвала в свой номер посмотреть. Признаюсь честно, нам с Дашей очень понравилась. Я даже примерила. Даша мне потом сказала:

– На этой старой кошёлке как на корове седло. А вот на тебе шуба смотрится.

В общем, мы с Дашей решили воспользоваться бесплатным трансфером в Ираклион. Я ей говорю:

– Чё зря ездить? У нас и на доху самую дохлую не хватит.

А она говорит:

– Напиши папке, он вышлет.

Вот я и решила тебе на всякий случай написать. А как в Москве погода? Ты, милый, наверное, сидишь со своими будущими Пикассо и Суриковыми допоздна. Не переутомляйся, прошу тебя. Всё равно к тому, что от бога дано, не прибавишь. Это я тебе как всё-таки какой ни на есть искусствовед говорю. Да и благодарности от них в будущем не дождёшься. Можешь, как всегда, повторить, что, в силу того что я моложе тебя на целых одиннадцать лет, у меня нет твоего опыта разбираться в людях. Однако поверь, уж насмотрелась я на наших изобразительных братьев всех мастей и калибров. Сегодня за любого, кто толчётся в нашем мирке – от мастера до подмастерья, – не стоит бросаться со скалы. Все, от художника до натурщика, сегодня живут не искусством, а длинным рублём. Так что лучше побереги себя, папочка наш дорогой. Не забывай принимать от давления, как прописал Виктор Борисович: утром – коренитек, вечером – амлотоп. Только поешь перед приёмом лекарства овсяночки. Ни в коем случае не принимай натошак. Ну, целую, Юрасик, мой дорогой! Твоя, как ты любишь меня называть – надеюсь, за изящную фигуру и выразительный образ брюнетки – твоя пантерочка».

Слава богу, дочитал. Можно было сразу начинать с того, что вышли, папочка, денег. Как в том анекдоте: «Мама, вышлите сало. Здравствуйте, мама!»

Юрий Кириллович открыл сайт своего банка, набрал свой логин, затем пароль и стал отыскивать в смартфоне номер карты своей «пантерочки».

Всё же операцию провести он не успел. В дверь постучали, и в мастерскую вошёл Юрка Пивоваров...

Семь лет назад он занимался у Юрия Кирилловича, готовился поступать. Уж очень парню хотелось в подражание своему учителю стать скульптором. В результате поступил в Суриковский институт. С тех пор не забывал своего благодетеля. Обязательно зимой с Новым годом поздравит, весной – с Днём Победы. Ну а уж с днём рождения-то – всенепременно. Да что там, парень нередко даже просто так вечером в мастерскую забежит. Посидит, посмотрит на «желторотых птенцов», с удовольствием послушает, как мастер разбирает их каракули, а когда они разойдутся, достанет бутылочку коньяка. У Юрия Кирилловича всегда в холодильнике баночка икорки, сервелат или сырокопчёная колбаска. И сидят, пока едва слышимая радиоточка, затерявшаяся на полке среди коробок с карандашами, упаковок пластилина, гипсовых фигур, банок с торчащими из них кистями, тюбиков краски и прочего, и прочего, – пока эта радиоточка не заиграет гимн, тихо-тихо:

– Россия – священная наша держава,
Россия – любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава,
Твоё достоянье на все времена.
Славься, Отечество, наше свободное...

Тут Юрий Кириллович встанет, дожёвывая бутерброд, и скамандует:

– Ну, тёзка, пора и честь знать, а то мне от моей «пантерочки» влетит. Она и так не верит, что я до полуночи с учениками тут валандаюсь. Давай налей по маленькой на посошок. Опять придётся что-то врать про какое-нибудь сборище в Союзе худых ожников. Хорошо, что я машину здесь во дворе удачно припарковал. На ночь оставлю. Надо нам с тобой только на метро успеть.

– Кто такие «ожники»? – усмехнётся Юра, разливая коньяк.

– Что за «ожники»? – удивится Юрий Кириллович.

– Ну вы сказали, Союз худых ожников.

– Ну, я так... Вроде юмору.

– Тогда лучше, Юрий Кириллович, Союз худых вожников. «Вожники» – вроде на водителей похоже. Сейчас же у всех машины, а водитель-то не из каждого художника классный получается.

– Ну, будет тебе. Глупости всё. Хочу выпить за тебя. Во-первых, рад, что не забываешь, во-вторых, горжусь, что высоко поднимаешься, взлетев вот с этой взлётной полосы, – Юрий Кириллович обводит рукой мастерскую. – Наставники твои всё мне тебя нахваливают. Смотри только не зазнайся. Медные трубы – самое тяжёлое испытание для творческого человека. У некоторых так получается, что эти медные трубы вроде как вставлены в определённое место, и те, некоторые, от этого всё надуваются, надуваются, того и гляди, лопнут.

– Я не лопну, Юрий Кириллович, – с хитрой улыбкой, будто знает какой-то тайный заговор, заверяет учителя Юрка.

– Ну и дай-то бог, – кивает тот, соглашаясь. – Запомни только мой главный совет. Не женись на представительнице нашего круга. Пусть она будет кем угодно: учительницей, поварихой, медсестрой...

– Почему медсестрой, а не доктором, допустим?

Захмелевший Юрий Кириллович с напряжением пытается понять суть вопроса и наконец изрекает:

– Медсестра тебе уколы будет делать от давления и радикулита. Ну, поехали! И по домам.

...От дверей Юрка Пивоваров сразу нашёл взглядом Юрия Кирилловича и приветливо помахал ему рукой. Пробираясь среди расставленных по всему довольно обширному помещению мольбертов и на ходу невольно заглядывая, что там царапают будущие Айвазовские и Гончаровы, Репины и Удалыцовы, он то и дело оглядывался на скульптурно застывшего на подиуме Кирилла и, когда подошёл к вставшему навстречу мастеру, поднял вверх большой палец, кивнув в сторону натурщика.

– Класс!

– Здорово, тёзка! – протянул руку Юрий Кириллович. – Вчера только о тебе говорил с вашим деканом. Хвалит. Говорит, что диплом ты задумал интересный.

– Вот как раз, Юрий Кириллович, хочу посоветоваться.

– Ну пошли на балкон, покурим.

– Вы же вроде давно уже бросили.

– Ну да, бросил, сигарет у меня нет, поэтому ты угостишь. Что там у тебя? Воспользуемся, пока холостякую.

Они отворили сияющую пластиковой белизной балконную дверь и вышли на свежий воздух, если так можно сказать о воздухе вечерней Москвы. Впрочем, Юрий Кириллович всегда полагал, что выхлопы автомобилей рассеиваются, пока поднимаются к этому балкону под самой крышей высотки. И в этом видел большое преимущество своей мастерской. Эх, если бы не «курец» с нижнего этажа.

Внизу столица, закончив трудовой день, устало расплзалась по жилым окраинам. Метро заглатывало пёстрый поток москвичей. По широкой мостовой от центра к МКАД слабым пульсом проталкивались вереницы разнокалиберных машин. Крыши домов устало прощались с солнцем. Уж так оно их утомило своим жаром. А всё же не стоит демонстрировать какую-то обиду: ночи хватит, чтоб остыть, а с утра пусть опять греет. Всё же лучше, чем дожди. Особенно для тех крыш, что протекают. Вон они плоскими бестолково-серыми рубероидными заплатами смотрят в небо. Будто из своеобразной гигантской мозаики выпали куски яркой смальты, образовавшиеся пустоты замазали цементом – и вся недолга. Возиться ещё! А уникальное поднебесное панно, гордость великого города, утратило свою художественную ценность. Своему приятелю – архитектору Коле Коломийченко Юрий Кириллович так и выдал однажды:

– Твой этот собрат, что придумал эти эрзац-кровли, полный болван. Или жлоб, что скорее всего, ибо себе-то он был на уме. Хорошую, видно, премию хватанул за дешевизну, но дешёвка она и есть дешёвка.

Юра Пивоваров щёлкнул зажигалкой. Закурили.

Закат подсветил редкие большие кучевые облака, и они нависли над крышами розовым зефиром. А в прорехах между ними небо зажглось таким алым огнём, что, казалось, в предместьях Москвы занялся нешуточный пожар.

– Как ты думаешь, это к дождю? – затянулся сигаретой Юрий Кириллович.

– Я думаю, к ветру, – со значительным видом опытного метеоролога ответил Юрка.

– Красота! – причмокнув, вздохнул Юрий Кириллович. – Великая у нас с тобой профессия, Юра, красоту защищать.

– Как это, защищать? – удивился Юра.

– А вот так! Работой своей, делом своим, всем своим творчеством истинную красоту отстаивать, утверждать, а значит, защищать.

– Точно! – восторженно согласился Юрка. – Как вы верно сказали, Юрий Кириллович! Как верно!

– Спасибо, дорогой!

– Задумал я, Юрий Кириллович, на диплом фигуру в два человеческих роста.

– Не сомневался, что ты по-крупному замахнёшься. Кого же это ваять собираешься?

– Заратустру.

– Ницше?

– Ну да. Он на охоте. Присел на одно колено. Обнажённая фигура. Только в руке сжимает нож. На голове шапка в виде хищной птицы. Налитой каждый мускул. Герой-победитель, Венец природы. Торжество силы.

В это время на нижний балкон выкатился сосед-толстяк. Закурил, и дым от его сигареты, как всегда, потянулся прямо в нос Юрию Кирилловичу.

– Ну это понятно, понятно. А в чём проблема. Что от меня-то ты хочешь? Задумку одобряю, действуй.

– Мне нужен ваш натурщик.

– Ну вообще-то пока он только у меня работал. Но, думаю, если заплатить нормально...

– Он как к обнажённой-то натуре? Так, чтоб полностью. Ну, как положено на скульптуре.

– Да парень уже у меня эту профессию понял. Я же с него лепил. Он профессионал, что там говорить.

– Точно?

– Да в чём проблема? Пошли. Чёрт бы побрал этого бегемота!

– Какого?

– Да внизу вон, видишь, стоит, курит. А вдыхаемый дым от курильщика, да будет тебе известно, гораздо вреднее, чем дым собственной сигареты.

– Юрий Кириллович, не перестаю у вас учиться.

– Цени!

Когда они вошли в комнату, притворив за собой балконную дверь, Юрий Кириллович прихлопнул в ладоши и скомандовал:

– Так, сейчас работаем со спиной. Возьмите новые листы. Сегодня начнём, на следующих занятиях продолжим...

– А это добъём? – повернулся к мастеру Стёпа, указывая карандашом на свой рисунок.

– Естественно, – кивнул Юрий Кириллович. – Впоследствии. Но сейчас вот что мне от вас нужно. Вы пока не знаете, откуда растут ноги...

– Знаем, – воскликнул нетерпеливый Степан. – Но боимся сказать.

Кто-то хихикнул.

– Так, шутки в сторону, – ещё раз похлопал в ладоши Юрий Кириллович. – Наша задача с вами – проследить за большим вертелом. Увидеть, как он соотносится с крылом подвздошной кости. Простыми словами, как ноги крепятся к ягодицам. Поэтому, Кирилл, подготовься, нам нужна полностью обнажённая фигура.

– Что? Плавки снимать? – растерялся от неожиданности Кирилл.

– Да, конечно. Плавки долой! – командирским тоном подтвердил Просекин.

– Дык ведь... – Кирилл растерянно указал на девочку.

– А мы отвернёмся, – съехидничала Настя. – И будем рисовать через зеркальце. Юрий Кириллович, вы же советовали прибегать к его помощи.

– Настя, прекрати, не дурачься, – повелительным жестом остановил девушку Юрий Кириллович и твёрдо, но спокойно приказал натурщику:

– Давай, не тяни. Времени на сегодня мало осталось. Поворачивайся к нам спиной. Юрий для тебя человек новый, но его стеснятся нечего: он мой ученик и тоже скульптор.

Кирилл отвернулся к стене и стянул плавки. Устремились взгляды юных художников к натуре. В тишине скрипнуло лезвие, оттачивающее грифель, и вот уже зашуршали, зашаркали по бумаге карандаши.

– Ты подойди к нему, – шепнул Юрию учитель, – встань перед подиумом со стороны и тихонько объясни задачу. Так сказать, в боевой обстановке. Куда уж тут денешься, – Юрий Кириллович легонько похлопал своего подопечного по плечу. – Давай, куй железо, пока го... голяком.

Юрка направился к Кириллу, а Юрий Кириллович к своему компьютеру. Пошевелил мышкой, открылась его почта, и опять бросилось в глаза послание какой-то Насти Кузнецовой с её портретом. «Очень, кстати, симпатичная девушка. Ну ладно, откроем», – решил Юрий Кириллович.

«Добрый день, Юрий Кириллович! В восьмидесятых годах у Вас был друг детства и юности в Киеве Сергей Кузнецов. Он женился на теннисистке Оксане. Вы были свидетелем у них на свадьбе. Я их дочь :)».

Ну конечно, он помнил! Как он мог не помнить:

«Добрый день, Настя! Рад, что наконец обнаружил и прочитал Ваше письмо. Ваш папа не просто друг, он, как по Пушкину, „мой первый друг, мой друг бесценный“. Он хоть

и немного младше меня, но мы с ним были не разлей вода с первого знакомства в пионерлагере. Мы вместе поступали в художественный институт. Вместе готовились. День и ночь сидели над рисунками. Позировали друг другу: то он мне, то я ему. Это было вдохновенное время. Меня приняли, а его, к сожалению, нет. Но мы продолжали работать, он готовился на следующий год повторить попытку. Но тут весной у него свадьба. Я, кстати, был уже тогда женат первый раз. И с женой мы были на свадьбе Ваших родителей. После этого какое-то время мы поддерживали дружбу. Помню, как Ваша мама пыталась увлечь нас теннисом. Вечерами вчетвером встречались на теннисных кортах. Но потом... Потом... Вы знаете, семейная жизнь такая сложная штука. Она диктует свои правила игры, то есть свои правила дружбы, вообще, свои правила жизни. Мою супругу теннис не заинтересовал. Понимайте это широко. Если считать, что жизнь – игра, то её интересовала игра совсем другая. И это понятно. Пошли дети. Сначала родился сын, через три года – дочь. Новые заботы. Да и у Ваших родителей, как я понимаю, тоже. Мы потеряли друг друга. Сейчас Серёжка перед глазами. Я помню хорошо его маму, Вашу бабушку. Добрейшая, интеллигентнейшая женщина. Очень рад, что у моих друзей такая красивая дочь. Вы вобрали лучшие черты обоих родителей. Это я вам как художник говорю, немало занимавшийся портретом. А как родители-то поживают? Почему Сергей сам не пытается восстановить нашу связь? Я был бы очень рад».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.